

Ю. Н. Варзонин,¹
А. В. Ковтун²

ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ ПЕРЕВОДА ЕВАНГЕЛИЯ Л. Н. ТОЛСТЫМ В КОНТЕКСТЕ ДИАЛОГА КУЛЬТУР И КОНФЛИКТА ИНТЕРПРЕТАЦИЙ БИБЛИИ КАК САКРАЛЬНОГО ТЕКСТА

Как известно, Библия — это корпус книг Священного Писания Ветхого и Нового Заветов, имеющих для всех верующих христиан решающее значение в вопросах вероучения. Следовательно, для распространения христианства было необходимо иметь единый текст, который, будучи переведен на другие языки, позволил бы «проповедовать Евангелие всей твари» (Мк. 16:15), то есть «научить все народы» (Мф. 28:19) Благой Вестью о Спасителе и Богочеловеке Иисусе Христе.

Однако проповедь апостолов, которые были готовы обойти весь мир, дабы обратить всех людей, и иудеев, и язычников, в христианскую веру, не всегда была единой: так, то, что писал и чему учил апостол Павел, далеко не всегда находило подтверждение в посланиях и деятельности других апостолов, в частности — иерусалимских «столпов»: Иакова, Петра и Иоанна.

Кроме того, постепенное распространение христианства по всему миру привело к тому, что новая религия, «наталкиваясь» на местные обычаи и верования, приобретала в результате противостояния языческой и христианской картин мира специфическую историко-культурную «окраску». Феномен «двоеверия» по-прежнему существует в культурах народов, воцерковленных еще на заре христианской истории.

Многообразие христианского мировоззрения связано еще и с тем, что в результате расколов и церковных войн между представителями этой религии произошло становление самостоятельных христианских деноминаций, представители которых упрекают друг друга в отступлении от первоначальных истин, возмущенных Богом через пророков и апостолов и переданных последними и их последователями сначала в устной, а потом и в письменной форме.

¹ Профессор кафедры теоретической лингвистики, рекламы и коммуникативных технологий Тверского государственного университета, доктор филологических наук. Автор ряда научных публикаций, в т. ч.: «Что даст риторике прагмалингвистика?», «Риторика и лингвистика», «Der Feind: Liebe Deinen Nächsten — die Rhetorik eines Christen. Erich Maria Remarque. Leben, Werk und weltweite Wirkung», «Эффективность воздействия/взаимодействия с позиций риторической модели», «Номо ментада — “человек лживый”», «Категории этики в теории риторики», «Онтология и риторика», «Когнитивно-коммуникативная модель риторики» и др.

² Специалист по учебно-методической работе Волонтерского центра научно-образовательного центра инновационных технологий развития профессиональной карьеры молодежи Тверского государственного университета. Автор 14 научных публикаций, в т. ч.: «Ситуация непонимания: коммуникативный аспект», «Воспитание ответственности за интерпретацию слова и текста как одна из проблем обучения герменевтике перевода и филологической компетентности», «Некоторые проблемы исследования сакрального текста с точки зрения филолого-эзегетического метода (к вопросу о возможности комплексного изучения библейского текста)», «Обучение герменевтике перевода как одна из фундаментальных задач лингводидактики (на примере изучения греческого языка Нового Завета)», «Актуальные проблемы интерпретации смысловой партитуры библейского текста в процессе преподавания и изучения древних языков и культур» и др.

В целом, Библия как свод книг, написанных в разное время разными людьми и имеющих в своей основе идейно-тематические и жанрово-стилистические отличительные черты, представляет собой, тем не менее, единство Первозамысла — передать людям Божественное Откровение о смысле их взаимоотношений с Богом и между собой. В этом отношении сближаются все христиане; однако их интерпретации сакрального языка и текста и основанные на ней традиции и обычаи (сюда же относятся и богословские труды, и религиозно-философские работы) расходятся (иногда — в частности, иногда — вплоть до противоположных толкований одного и того же слова, выражения, фрагмента текста и даже всей книги).

Приведем пример. В основу православного и католического вероучения (задолго до Великой Схизмы 1054 г.) положен принятый на Никейском и Константинопольском Вселенских соборах 325 и 381 годов «Символ Веры». Этот небольшой текст, созданный в результате богословских интерпретаций Библии, является кратким изложением христианских догматов о Боге, Церкви и человеке. Однако позднее, в 589 году, Римско-католическая церковь, руководствуясь теологическими и политико-культурными мотивами, внесла в текст добавление — выражение «и от Сына». (Присоединив его к фразе: «[Верую]... и в Духа Святого, Господа Животворящего, Иже от Отца исходящего», представители Западной церкви признали, что Дух Святой, Третье Лицо Святой Троицы, «исходит» не только от Бога-Отца, но и от Бога-Сына.) Такое изменение не могло не вызвать решительных возражений со стороны православной церкви. Это обстоятельство привело, в конечном счете, к разрыву отношений между католиками и православными на долгое время.

Впоследствии существенные расхождения в богословских толкованиях текстов Библии привели к церковным войнам между католиками и протестантами. Нельзя не вспомнить и печальные события старообрядческого раскола в православии, когда противники внесения исправлений в церковно-богослужбные книги жестоко наказывались светскими и церковными властями.

Не менее известны дебаты, которые ведутся американскими проповедниками, вербующими в оккультно-деструктивные секты молодежь и пожилых людей, которые совершенно не знают ни текста Библии, ни ее православной интерпретации, хотя многовековая история православия на Руси явилась живительным источником для славяно-русской культуры.

Однако конфликт библейских интерпретаций этим не исчерпывается. Нередко в рамках одной и той же традиции появляются свои собственные толкования Библии и переводы созданных на их основе богослужбных книг, основывающиеся на осовременивании стиля

и языка. Например, достаточно большую известность получила в наше время деятельность группы православных священников и мирян, одним из вдохновителей и непосредственным участником которой является отец Георгий Кочетков. Эти люди (среди которых был выдающийся филолог XX в. академик С. С. Аверинцев) занимались сознательной русификацией церковно-богослужебных текстов и библейских книг Ветхого и Нового Заветов, предположив, что в них содержатся неясности, неточности и серьезные ошибки.

Например, одни слова и выражения нуждаются в переводе на современный русский язык по причине непонятности их значения: «гугнивый», «мшелоимство», «Премудрость, прости!»; другие имеют иное значение: «блаженный», «живот», «прелесть». Прояснить их смысл, сделать качественный филологический комментарий и исправить ошибки — важная и благородная задача, справиться с которой не всегда могут даже квалифицированные специалисты...

Как уже говорилось нами ранее, издание русской Библии 1876 года, названной в трудах известного отечественного филолога-библеиста К. И. Логачева «второй национальной Библией России» (в отличие от Елизаветинской Библии 1751 г., которую он считал «первой национальной Библией России»), по сей день представляет собой официальное Священное Писание Русской православной церкви. Этот перевод, по мнению одного из авторитетнейших специалистов по истории церковнославянского языка, доктора филологических наук Е. М. Верещагина, отличается высоким уровнем точности и написан стилистически хорошим языком, он вполне понятен — иными словами, он сыграл ту роль, для которой был предназначен, а именно — для домашнего чтения, дабы понимать содержание текстов, переведенных на церковнославянский язык Кириллом и Мефодием и употребляемых в православном церковном богослужении.

Однако уже во второй половине XIX века язык, на который была переведена Синодальная Библия, воспринимался как устаревший. Поэтому для последующего времени (в особенности для второй половины XX в.) характерен ряд попыток осуществить новые переводы, и в первую очередь — Евангелия. Корректировке подвергаются синтаксические конструкции, которые являются, по большей части, калькой с еврейского или греческого оригинала; однако наиболее уязвимыми для критики оказались многие библейские слова или выражения: одни из них были вытеснены из фонда русского языка, значения других подверглись переосмыслению.

Так, для русского языка являются несвойственными такие обороты, как «иметь жизнь во имя Его [Иисуса Христа]» (Лк. 20, 31) или «...как может кто войти в дом сильного и расхитить вещи его, если прежде не свяжет сильного и тогда расхитит его» (Мф. 12:29) и т. п.

Однако таких случаев совсем немного; более актуальной задачей для переводчика и комментатора являются, скорее, трансляция и объяснение смысла изобразительно-выразительных средств (в первую очередь это относится к таким сложным видам художественных образов, как метафоры и символы). Сюда же отно-

сится и прояснение значений слов и выражений, имеющих специфическую, историческую и национально-культурную окраску (например «мытарь» (Лк. 3:12), «фарисей» (Мк. 2:24), «пасха иудейская» (Ин. 2:13), «синагога» (Лк. 4:16), «синедрион» (Мф. 26:9) и др.). Сюда же относятся понятия, значимые в христианско-богословском отношении (ср. «Бог» (Быт. 1:1), «Слово» (в значении — «Иисус Христос, Сын Божий, Второе Лицо Святой Троицы») (Ин. 1:1), «благодать» (Ин. 1:16), «крещение» (Мк. 1:4), «покаяться» (Мф. 3:2) и т. п.).

В настоящее время некоторые библеизмы постепенно возвращаются в общее употребление, но не все они понятны современному читателю Библии. Следовательно, это обстоятельство приводит к появлению на свет новых переводов, а значит — новых интерпретаций и истолкований книг Священного Писания Ветхого и Нового Заветов.

И все-таки, несмотря на то, что сегодняшние переводчики стремятся улучшить текст, осовременивая языковые единицы различных уровней, начиная от словообразовательного и лексического и заканчивая морфологическим и синтаксическим, эти попытки приводят по большей части к тому, что новые переводы становятся образцами радикальной замены непонятных слов, выражений и конструкций, употребляемых в Синодальной Библии.

Рассмотреть подробно все переводы Библии в рамках одной работы, конечно же, невозможно. Однако мы попытаемся привести достаточное количество примеров, которые могли бы наглядно представить имеющуюся на данный момент ситуацию, названную нами в рамках данной работы «профанизацией» смыслов, потенциально заложенных в первоначальный (сакральный) текст и впоследствии десакрализованных современными переводчиками-интерпретаторами.

В самом деле, практически любая деятельность человека, связанная с интерпретацией (то есть переработкой информации, которая заложена в текст, осуществляемой при помощи декодировки сообщения), обречена на так называемую «энтропию смысла». Остается добавить, что изменение оригинального текста (проявляющееся как потеря его исходной формы и определенного рода искажение авторской интенции) представляет собой «невосполнимую утрату» для реципиента, будь то заурядный читатель или внимательный исследователь-критик. Если все вышеизложенное применить к феномену сакрального текста, то в результате мы получим объяснение действия механизма десакрализации.

Однако если при переводе обычного текста трансформации в области языка и стиля — дело привычное, то для верующего человека любое изменение в сфере Священного Писания подчас равносильно катастрофе: поколебать незыблемость догматов и устойчивость обрядов подчас граничит с ересью, «апостасией» (то есть отступлением) от вероучения, основанном на Божественном Откровении, содержащемся в сакральном тексте.

Сказанное поможет, как нам кажется, объяснить трагическое обстоятельство в истории отечественной

культуры — разрыв между талантливейшим писателем Львом Николаевичем Толстым и Русской православной церковью.

Творчество Л. Н. Толстого особо актуально в наши дни: его жизнь и деятельность являются объектом пристального внимания со стороны школьных учителей, литературоведов, специалистов в области педагогики, культурологов, философов и даже представителей Русской православной церкви.

Однако, к сожалению, отечественной литературы, посвященной анализу той части переводческой-истолковательной деятельности Толстого, которая, в свою очередь, связана с интерпретацией писателем библейского текста, сравнительно немного, и практически вся она написана еще до революции. Еще меньше внимания уделяли этой проблеме на Западе.

Таким образом, толстовское понимание Евангелия, вовлеченное в конфликт интерпретаций библейского текста, привлекло наше пристальное внимание. Поэтому нам бы хотелось посвятить критическому разбору Евангелия «от Толстого» оставшуюся часть нашей работы, которая откроет новые особенности механизма словообразования вариативности переводческой деятельности.

Не останавливаясь на истории написания «Соединения и перевода Евангелия» — этого своеобразного Евангелия «от Толстого» (оно подробно изложено толстоведом В. Гусевым в «Комментариях» к данной работе, изданной в 24-м томе Полного собрания сочинений писателя), оговоримся, что в своем «Вступлении» Л. Н. Толстой подчеркивает полемичность своей религиозно-филологической деятельности по отношению к официальной версии перевода Евангелия (так называемый «Синодальный перевод» 1876 г.).

Известно, что переводческая деятельность Толстого явилась практически воплощением созданного им учения, которое впоследствии получило название «толстовство». Его доктрина основана на убеждении писателя о том, что выход из тупика, в который зашло человечество в результате уродливого развития цивилизации, возможен лишь при обращении людей к нравственным идеалам, содержащимся в воззрениях Эпиктета, Марка Аврелия, Конфуция, Лао-Цзы, Мэн-Цзы и Иисуса Христа.

По сути, «толстовство» опирается на противоречивое в своей сути основание: объяснение всего с помощью человеческого разума и убеждение в существовании некоего безличного Высшего Начала, которое сокрыто в каждом человеке и побуждает его к добру. Характерно, что все это писатель считал учением Христа. Однако понимание Толстым Евангелия всегда было чуждо официальному православному вероучению.

Отрекшись от учения православной церкви, Л. Н. Толстой утверждал, что он, тем не менее, верен христианской истине. Для того чтобы реализовать свои взгляды, он занимался изучением древнегреческого и древнееврейского языков, дабы читать Библию в оригинале. Однако позднее он решил, что Ветхий Завет — это памятник отжившей национальной религии, и сосредоточился только на книгах Нового Завета, в первую очередь на Евангелии.

Отвергнув богатейшее наследие церковной библейской экзегезы и выводы современной ему новозаветной либерально-протестантской критики, Лев Толстой признавал только свое личное «разумение». Рассмотрим вкратце его особенности.

1. Евангелие следует рассматривать не как историческое повествование о земной жизни Богочеловека, а как сборник нравственных сентенций, «учебник» о смысле жизни. В связи с этим «сказания о чудесах», рассказ о Воскресении, составляющий квинтэссенцию Евангелия, некоторые нарративные части были опущены.

2. В то же время все речения Христа, имеющие, по мнению Толстого, этическую ценность, были разделены им по 12 главам, каждая из которых содержит греческий текст и два текста на русском языке: Синодальный перевод и параллельный ему перевод, выполненный Толстым. В конце каждого абзаца помещались примечания филологического и герменевтико-экзегетического характера.

3. Своим комментариям Толстой придал антицерковный и даже нередко антиправительственный и антиобщественный характер. Поэтому некоторые высказывания Христа приобретали у переводчика окраску, соответствующую его собственным взглядам. Наибольшие споры вызвало буквальное понимание Толстым слов «не противься злему» (Мф. 5:39), которые ветхозаветному юридическому закону справедливого возмездия («око за око, зуб за зуб») противопоставляют новозаветную нравственную заповедь о прощении личных обид и этим возвышающую человека над законом справедливости. Писатель же истолковал эту заповедь как отказ от всякого сопротивления злу, тогда как Сам Христос, обличая «сильных мира сего»: Ирода, книжников, фарисеев (последние у Толстого «превращаются» в «православных»), подал пример действительной борьбы со злом.

4. Лев Толстой составил «гармонию», объединив все «параллельные места» и расположив все события, изложенные евангелистами Марком, Матфеем, Лукой и Иоанном, в хронологической последовательности.

Соответственно, он выполнил, собственно говоря, не столько перевод, сколько парафраз (то есть передачу своими словами, пересказ содержания) Четверо-евангелий, объединив все тексты каждого из Евангелий в один.

5. Отказ от традиционного Синодального перевода привел Толстого к тому, что он сам стал изучать древнегреческий язык, чтобы сделать собственный парафраз. Однако, как видно из приведенных ниже примеров, Толстой смог овладеть оригинальным языком Евангелия лишь в той степени, насколько он соответствовал его религиозно-этическим убеждениям.

Чтобы проиллюстрировать, к чему приводят попытки передать на повседневном, разговорном языке священные смыслы, мы приведем примеры из данного сочинения Л. Н. Толстого, опираясь на созданную специально для этого исследования типологию переводческих «техник» русифицированного перевода. Для удобства понимания того, о чем идет речь, мы наглядно, в рамках одной таблицы, приводим примеры разночтений Синодального перевода и парафраза Толстого.

1) Перевод, который связан с «улучшением» формы Синодального перевода и смысла касается в незначительной мере (постольку, поскольку это имеет отношение к изменению значений языковых единиц и/или возможности подобрать эквивалентную замену в целевом языке).		
а) Русифицируются слова и выражения, переведенные более точно (нередко — по мнению Толстого) в грамматическом отношении (с точки зрения грамматических категорий, порядка слов, синтаксических конструкций и т. п.).		
Место	Синодальный перевод	Парафраз Л. Н. Толстого
Мф. 5: 42	Просящему у тебя дай и от хотящего занять не отвращайся.	И всякому, кто просит у тебя, давай . И не убегай от того, кто хочет занять у тебя.
Ин. 1: 6	Был человек, посланный от Бога, имя ему Иоанн.	Был человек послан от Бога, имя ему Иоанн.
Ин. 20: 31	Сие же написано, дабы вы уверовали , что Иисус есть Христос, Сын Божий , и, веруя , имели жизнь во имя Его.	Написано это для того, чтобы верили , что Иисус Христос есть Сын Божий , и, поверивши , получили бы жизнь через то, что Он был.
б) Русифицируются слова и выражения, нуждающиеся, по мнению Толстого, в более понятном (нередко с точки зрения синонимии, квазисинонимии и т. п.) выражении		
Место	Синодальный перевод	Парафраз Л. Н. Толстого
Мф. 1: 19	Иосиф же, муж Ее (Богородицы. — А. К.), будучи праведен и не желая огласить Ее, хотел тайно отпустить Ее.	Иосиф, муж Ее (Богородицы. — А. К.), был праведен: не хотел Ее уличить и задумал без огласки отпустить Ее.
Мф. 1: 24–25	Встав от сна , Иосиф поступил , как повелел ему Ангел Господень , и принял Жену свою , и не знал Ее, как, наконец , Она родила Сына Своего первенца , и он нарек Ему имя: Иисус.	Проснувшись , Иосиф сделал , как велел ему Ангел Божий , и принял Ее (Богородицу. — А.К.) себе в жены . И не имел с Ней дела , пока Она не родила Своего первого сына и назвала его Иисус.
Мф. 3: 2	И говорит: покайтесь; ибо приблизилось Царство Небесное.	Иоанн говорил: одумайтесь, потому что наступило Царство Небесное.
Мф. 4: 3	И приступил к Нему (Христу. — А. К.) искушитель и сказал: если Ты Сын Божий, скажи, чтобы камни сии сделались хлебами.	И приступил к Нему (Христу. — А. К.) искушитель и сказал: если Ты Сын Бога, то скажи, чтобы камни эти стали хлебами.
Лк. 2: 40	Младенец же возрастал и укреплялся духом, исполняясь премудрости ; и благодать Божия была на Нем.	Мальчик возрастал и мужал духом , и прибавлялось в Нем разума . И милость Божия была на Нем.
в) Сюда также можно отнести случаи, связанные с русификацией слов и выражений, обладающих специфической, исторической или национально-культурной окраской.		
Место	Синодальный перевод	Парафраз Л. Н. Толстого
Мк. 1: 4	Явился Иоанн, крестя в пустыне и проповедуя крещение для прощения грехов.	Явился Иоанн Купало в степи и проповедовал купанье в знак перемены жизни, в знак перемены от заблуждений.
Лк. 12: 59	Истинно говорю тебе: ты не выйдешь оттуда, пока не отдашь до последнего кодранта .	Тогда ты сам знаешь, уже не выберешься, пока не отдашь последнюю копейку .
Ин. 5: 15	Человек сей пошел и объявил иудеям , что Исцеливший его есть Иисус.	И пошел человек и рассказал евреям , что это Иисус его поднял.
2) Перевод, который связан с коренным изменением смысла (переосмыслением Синодального перевода). В основном сюда относится русификация слов и выражений, обладающих идеологическим (религиозно-богословским) содержанием, для которых практически невозможно подобрать эквивалентную замену в целевом языке и, тем более, дать им истолкование, не свойственное традиции, на которой создавался первоисточник (в то время как Л. Толстой поступил именно так, нарушив концепцию оригинала).		
Место	Синодальный перевод	Парафраз Л. Н. Толстого
Мк. 1: 4	Явился Иоанн, крестя в пустыне и проповедуя крещение для прощения грехов.	Явился Иоанн Купало в степи и проповедовал купанье в знак перемены жизни, в знак перемены от заблуждений.
Ин. 1: 1	Вначале было Слово , и Слово было у Бога, и Слово было Бог.	Началом всего стало разумение жизни . И разумение жизни стало за Бога. И разумение то жизни стало Бог.
Ин. 13: 2	И во время вечера, когда дьявол уже вложил в сердце Иуде Симонову Искариоту предать Его (Христа. — А. К.)...	И во время ужина, когда злой умысел выдать Его (Христа. — А. К.) вошел в душу Иуды Искариота...

Как видно из приведенных примеров, в толстовском переводе Четвероевангелия оказались подвергнуты пересмотру некоторые языковые единицы (в первую очередь — грамматические структуры и синонимические отношения в лексике), затруднявшие, по мнению писателя, восприятие смысла первоначального текста.

Заслуга писателя заключается также в том, что он попытался сделать понятными слова и выражения, чуждые русской ментальности, не соответствующие образу жизни и быта простых и знатных русских людей.

Перевод Евангелия, выполненный Л. Н. Толстым, характеризуется рядом спорных моментов, в числе которых в первую очередь можно назвать изобретение новых слов, которые, как ему казалось, проясняли смысл непонятных церковных терминов. Однако на деле его филологические интерпретации и богословские рассуждения являются не чем иным, как плодом собственного учения Толстого, подвергавшего нападкам основы вероучения христианской церкви. Следовательно, его филолого-герменевтическая деятельность, направленная на толкование смысла слов и выражений из Синодального текста, не может считаться убедительной, если исходить из установок библейских переводчиков православно-христианского происхождения.

В целом, для Толстого Синодальная версия — это «перевод слов», а не «перевод мысли». Поэтому он выполнил грандиозную для своего времени работу по пересмотру имеющейся версии перевода библейского текста.

Если судить его деятельность с позиции прошлого, он выполнил титанический труд, который был явно не под силу многим его современникам, обладающим язы-

ковым чутьем, художественным талантом и разносторонней образованностью. Однако с точки зрения современного развития языка и мышления сочинение Толстого положило начало традиции русификации и десакрализации, которые характерны для имеющихся на данный момент трансляций библейских смыслов и значений, отказавшихся от опоры на кирилло-мефодиевское наследие, без которой, по нашему мнению, подобная деятельность лишается возможности быть осуществленной.

Да, перевод Библии на русский язык — задача непростая: русское православие имеет более чем тысячелетнюю историю, и мы, русские, не вправе отказаться от своего прошлого и пренебречь духовным наследием наших предков, которые донесли до нас Библию, переводя книги Ветхого и Нового Завета с древних языков, переписывая их, сверяя, печатая, изучая, комментируя их содержание. Вот почему необходим не новый перевод, а поновление Синодальной русской Библии, которое бы осуществлялось с опорой на кирилло-мефодиевскую традицию, авторитетность которой была безусловна для всех поколений библейских переводчиков, вплоть до святителя Филарета, митрополита Московского и Коломенского, одного из инициаторов публикации Синодальной версии русского перевода.

На наш взгляд, влияние кирилло-мефодиевского наследия на переводчиков Библии XXI века очень важно: в деятельности по переводу книг Священного Писания, помимо филологической преемственности, мы имеем дело с органичным восприятием святоотеческого Священного Предания, в полной мере реализованного в понимании смысла как отдельных слов и выражений, так и целостных концепций авторов библейских книг.